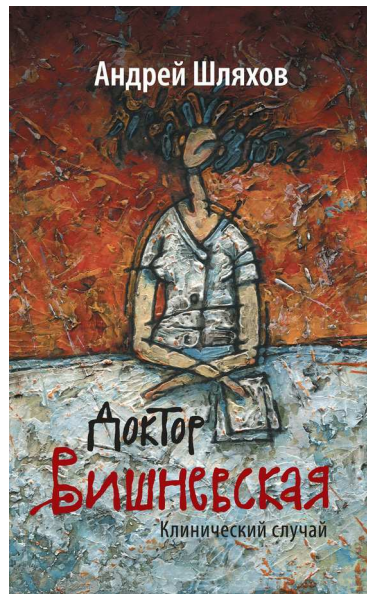

Андрей Левонович Шляхов
Доктор Вишневская. Клинический случай

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4580259

Доктор Вишневская: Клинический случай / Андрей Шляхов.: Яуза, Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-60916-1

Аннотация

НОВАЯ книга от автора бестселлера «Клиника С...» – но теперь уже не в жанре «больничного триллера», а в лучших традициях женского медицинского романа!

Знакомьтесь – доктор Вишневская, иммунолог-аллерголог, слегка за тридцать, одинока, независима, остра на язык. Не пытается изображать «Хауса в юбке», но коллеги считают ее классным диагностом – о таких, как она, говорят: «Врач от бога». Давно излечившись от юношеского идеализма, так и не обзавелась иммунитетом к человеческой боли и страданиям. А значит, рано или поздно ей придется бросить вызов «врачам от дьявола», поставив на кон свою профессиональную репутацию, честное имя и женское счастье...

Содержание

Консультация	5
Анна Андреевна Вишневская, доцент	10
Штопаная душа	18
Мораторий	24
Виноградово-Южное	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Андрей Шляхов

Доктор Вишневская: Клинический случай

*Хотя не имеет смысла, деревья еще растут.
Их можно увидеть в окне, но лучше издалека.
И воздух почти скандал, ибо так раздут,
что нетрудно принять Боинг за мотылька.
Мы только живем не там, где родились – а так
все остальное на месте и лишено судьбы...*

Иосиф Бродский, «Новая Англия»

Автор настоятельно просит многоуважаемых читателей не заострять внимание на совпадениях, поскольку все совпадения случайны, не искать подтекста, потому что бессмысленно искать того, чего нет, и не быть слишком пристрастными. Доцент Анна Андреевна Вишневская – живой человек, а не светлый образ, созданный неугомонным воображением автора. Приятного чтения!

Консультация

Доцента Конычева убила невысокая, худенькая, очень элегантно одетая женщина средних лет. Подстерегла у лифта, шагнула навстречу и с размаха плеснула в лицо соляной кислотой. Кислотой по живому – это очень больно. Конычев умер на месте, не выдержало сердце. Женщина стояла над ним и жадно наблюдала, прямо-таки впитывала глазами происходящее. Конычев курировал лечение ее мужа. Лечение не помогло, уж больно был запущен процесс, а расплачиваться пришлось Борису Тельмановичу.

«Мстительницу» признали вменяемой и осудили на пять лет. *Minimum minimorum*¹ за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего за собой смерть потерпевшего. Пожалели вдову.

Два года прошло, даже два с половиной, самого Конычева, можно сказать, забыли, тем более что покойник был из тех, кто после смерти попадает в категорию *aut nihil*², но на всех незнакомых, подстерегающих, подкарауливающих, ожидающих возле лифта, в коридоре или, например, у входа в институт, Анна реагировала плохо. Шарахалась и, если сумка была при ней, совала руку в сумку за баллончиком со слезоточивым газом. Баллончик всегда лежал в отдельном кармашке, чтобы не пришлось долго шарить по всей сумке в его поисках. Всего два предмета удостоились такой высокой чести, вторым был мобильный телефон.

У незнакомки был такой тоскливо-затравленный взгляд, что с ней сразу все стало ясно, еще до того, как та открыла рот.

– Извините, пожалуйста, доктор, это вы консультировали Кузнецова из пятой палаты?

Если не очень хочется повторять все заново, то можно бросить на ходу «Обращайтесь к лечащему врачу» и пойти дальше. Но таких, которые с тоскливым взором, Анне всегда было жаль. Не то чтобы хотелось сострадать, кручиниться или вместе, обнявшись, лить слезы, а просто понимала – плохо человеку. Ну а если человеку плохо, то лучше остановиться и ответить на традиционный набор вопросов, обычно начинающийся с того, какой у пациента диагноз, и заканчивающийся на том, какие у него перспективы. Разумеется, ответить так, чтобы не нажить неприятностей – не разгласить врачебную тайну и не нажить врага в лице лечащего врача. Лечащие врачи очень не любят, когда коллеги-консультанты «распускают хвост» перед пациентами. Правда, с лечащим врачом Кузнецова отношения уже, кажется, испорчены... Короче говоря, вне зависимости от прочих факторов и обстоятельств говорить в такой ситуации надо мало, тщательно фильтруя сказанное, диагноз не озвучивать, в конкретику не вдаваться, ограничиться общими фразами, непременно сказать что-нибудь ободряющее. Спрашивают ведь главным образом для того, чтобы услышать что-либо ободряющее.

– Да, я консультировала.

– Я жена его... – Собеседница потеряла изрядно растянутую горловину своего лилового свитера («Лиловый – цвет вдовый», – вспомнила Анна расхожую присказку) и добавила: —...бывшая. Первая.

– Если бывшая, то, извините...

– Вы мне только скажите – рак подтвердился?! – взмолилась собеседница. – Только это – и все! Даже не скажите, а намекните. Мне очень важно знать. Мы расстались совсем недавно...

Бывшая жена Кузнецова частила так, что слова не вставишь.

¹ «Наименьшее», «самое малое» – лат.

² *Aut nihil* – «или ничего» имеется в виду латинское выражение: *De mortuis aut bene, aut nihil* – «О мертвых либо хорошо, либо ничего».

– Он встретил другую. Вы такая молодая, вам это может показаться смешным, нет, извините, не то я говорю. Мне просто знать, чтобы помочь, ведь его нынешняя жена даже передачи ему не приносит. Я приносила, но от моих он отказывается...

Ничего страшного, подумала Анна, пусть поголодает. При росте где-то в метр семьдесят, Кузнецов весил не меньше ста, а то и ста десяти килограммов. Скинет за время пребывания в больнице немного жира – только лучше себя чувствовать будет.

– ...он и общаться со мной отказывается, вбил себе в голову, что я хочу унижить его своей заботой, то есть – возвыситься, показать, какая я хорошая, а ведь на самом деле все не так. Двадцать шесть лет из жизни не вычеркнешь...

Анна вскинула запястье выше, чем требовалось, чуть ли не к самым глазам, и посмотрела на часы. Собеседница сразу же умолкла. Две женщины в белых халатах поверх хирургической формы вышли из отделения урологии и свернули к лестнице. Одна из них на ходу мазнула взглядом по Анне.

– Ничего страшного нет, – сказала Анна. – Кажется, это вообще не тот случай, когда стоит расстраиваться. Все будет хорошо.

– Но Дмитрий Григорьевич...

– Извините, я спешу. Все, что относится к Дмитрию Григорьевичу, лучше обсуждать непосредственно с ним.

Лечащий врач Кузнецова Дмитрий Григорьевич был хитрован, мастер раскрутки на пустом месте. Сказать, что Анна таких не любила, означало не сказать ничего. Врач должен диагностировать и лечить («исцелять» – это слишком пафосно, да и не всегда верно), а не придумывать страшные диагнозы для того, чтобы раскрутить пациента на бабло. И не должен втягивать в этот процесс коллег. Анна не любила, когда ее пытались «использовать втемную» и прикладывала максимум усилий для того, чтобы желающим впредь было неповадно.

Поначалу, во время телефонного разговора, Дмитрий Григорьевич произвел хорошее впечатление – деловитостью, пониманием того, что у доцента кафедры, помимо консультаций на стороне, могут быть и другие дела, а также фразой «Дорожные расходы будут возмещены». Фраза понравилась Анне больше всего. Не хамское «Разумеется – не бесплатно» (Почему «разумеется»? Разные бывают консультации, разные бывают пациенты, разные бывают обстоятельства) и не оскорбительное «Какая у вас такса?» (на это она обычно отвечала: «Это у бл. ей такса, а у меня – гонорар»), а «дорожные расходы будут возмещены». Тонкий намек на важные обстоятельства.

Встретил Дмитрий Григорьевич тоже хорошо, по-джентльменски. Дал перевести дух (шутка ли рулить по пробкам через пол-Москвы, с улицы Маршала Бирюзова до Открытого шоссе, нет, надо было все-таки по кольцу ехать), угостил кофе, рассказал анекдот... А то к некоторым в ординаторскую войти не успеешь, как они выходят тебе навстречу и ведут в палату. Ничего особенного, все понятно – работают люди, берегут каждую минутку, но... Ах, сколько же в жизни этих «но», если на каждое внимание обращать, то жить некогда станет.

После ознакомления с историей болезни возникло недоумение, но тут Дмитрий Григорьевич сплеховал – вместо того чтобы дать объяснения в ординаторской, потащил Анну к пациенту, бубня себе под нос на ходу нечто невнятно-бессвязное про иммуносупрессию, иммунорегуляторный индекс, иммунологический дисбаланс и ПСА³. Наверное, испугался, что Анна посмеется и уйдет, а ему придется «терять лицо» перед пациентом, ведь это пациент просил пригласить на консультацию доцента Вишневскую, нахвалил, значит, кто-то, постарался.

Сам напросился – вместо мелкой, если так можно выразиться, потери лица, потерял его целиком и надолго. Перед всеми четырьмя своими пациентами из пятой палаты. Потому

³ ПСА – простатспецифический антиген.

что дурак, аферист, да еще и самонадеянный. У постели больного снова начал бубнить про ПСА и про иммунологический дисбаланс, мешая Анне расспросить пациента. Ну и огреб по полной, как фельдмаршал Паулюс под Сталинградом.

– Простатспецифический антиген, Дмитрий Григорьевич, может повышаться не только при опухолях простаты, но и при воспалительном процессе, при доброкачественной гиперплазии...

Дмитрий Григорьевич, образно выражаясь, «сполз ниже плинтуса». На вопрос о том, почему сразу не была проведена биопсия, он ответил:

– Не хотели лишний раз трогать, вдруг опухолевой процесс.

«Потому что ничего бы такого она не показала», – перевела Анна.

– И как же вы намеревались обойтись без биопсии? – Анна смерила уничижительным взглядом коренастого, но невысокого Дмитрия Григорьевича.

– Нет, мы собирались, но позднее... – заюлил тот.

На прощанье пациент попытался сунуть Анне в карман халата конвертик.

– Это лишнее. – Анна ловко увернулась, и рука с конвертом зависла в воздухе. – Действительно – лишнее.

– Но вы же работали...

– Вы еще не обследованы настолько, чтобы вас консультировать, – ответила Анна. – Надо сделать биопсию. А там видно будет... Не исключено, что моя консультация вообще не понадобится.

– Тогда возьмите мою визитку, Анна Андреевна...

Взмах рукой, и в ней вместо конверта появляется обильно позолоченная визитная карточка. ЗАО «Бест Технострой групп», генеральный директор.

– ...все виды ремонтно-строительных работ. Что угодно в лучшем виде за очень вменяемую цену.

– Спасибо. – Анна спрятала карточку в карман халата, выданного ей Дмитрием Григорьевичем. – Как соберусь баню строить – позвоню.

Про баню было сказано просто так, из вежливости. Анна никогда не пользовалась подобными контактами. И не потому, что была нерачительна или стеснительна.

Просто не хотела становиться кому-то обязанной. Тем более что, если верить коллегам, половина пациентов (если не все семьдесят пять процентов) «не узнают» и «не припоминают» врачей, к которым когда-то по собственному почину набивались с услугами. Напрасное унижение втрое хуже ненапряжного, утверждает заведующая учебной частью кафедры доцент Хрулева.

– Зря вы от денег отказались, – «посочувствовал» в коридоре Дмитрий Григорьевич.

«Сочувствие» оказалось последней каплей. В ординаторской, где теперь сидели и торопливо, если не стремительно, писали дневники два врача, Дмитрий Григорьевич получил выволочку. Анна поинтересовалась, на что он надеется и чего он добивается, «притягивая» (причем – неумело) онкологию там, где ее нет? Хочет ли он удалить более-менее здоровую предстательную железу и заработать на этом, или же намерен передать пациента какому-нибудь шарлатану от онкологии для «лечения» и последующего чудесного «исцеления»? И зачем, пусть даже и с подачи пациента, надо было звать ее на совершенно бессмысленную консультацию?

И все это было сказано в ее манере – спокойным ледяным голосом плюс взгляд в глаза. Коллеги Дмитрия Григорьевича, с которыми он Анну не успел (да и навряд ли пожелал бы) познакомиться, бросили строчить дневники и с интересом наблюдали бесплатное шоу.

– Вам же хотели заплатить! – укорил побагровевший Дмитрий Григорьевич.

– Вы путаете меня с клоуном. Это клоунам платят за то, что они развлекают публику, а я кон-сульт-и-ру-ю. Вы вообще улавливаете разницу?

Один из урологов, носатый брюнет, чьи курчавые волосы так и выбивались из-под колпака, незаметно для остальных показал Анне опущенный книзу большой палец правой руки и подмигнул – добивай, не жалей!

Вякнул бы еще что-нибудь – точно бы добила, но Дмитрий Григорьевич ничего не ответил. Молча принял у Анны халат (вместе с кузнецовской визитной карточкой) и так же молча поспешил закрыть дверь, которую Анна, оставила открытой. Если тебя одолевает искушение громко хлопнуть дверью на прощанье, то двери лучше совсем не касаться. А то вдруг...

Обычно ходьба успокаивала, особенно – быстрая. Сегодня же с каждым шагом ярость вскипала все сильнее. «Ну что за люди!» – восклицала в подобных ситуациях покойная мать, вздымая руки кверху. Потом замирала на секунду с поднятыми руками, словно ожидая ответа с неба на свой вопрос. Так и не дождавшись, резко опускала руки и заключала: «Бес-совестные». В отличие от матери Анна не злоупотребляла таким понятием, как «совесть». Даже больше – могла заявить (и не раз заявляла) прилюдно, что к болезни под названием «совесть» у нее иммунитет. Подобное заявление часто помогает расставить точки над *i*. По многим вопросам, начиная с того, кто возьмет сегодня группу «тэушников»⁴, про которую почему-то забыла заведующая учебной частью кафедры, и заканчивая тем, кому выпадет «честь» (точнее – кто не сможет отбазариться от такой «чести») вычитывать очередную монографию заведующего кафедрой. С учетом того, что книги для шефа большей частью пишет несколько человек, благородно не претендующих на авторство, там в одних несостыковках можно утонуть, не говоря уже о прочих ляпах.

Но совесть совестью, а какие-то понятия о порядочности надо же иметь! Напугать пациента, что называется, «до усрачки» и вытрясти из него все деньги до последней копейки (или, как вариант, сколько получится) – это уже ни в какие человеческие рамки не укладывается. А в профессиональные – тем более! Уважающий себя врач до такого не опустится.

Сама Анна тоже хороша – надо было попросить выслать ей информацию по пациенту или хотя бы поподробнее расспросить Дмитрия Григорьевича. Это проклятая тактичность всему виной – как же, разве можно обижать коллег, задавая им элементарные вопросы? Оказывается, что не только можно, но и нужно! Все, решено – отныне и впредь она сначала дотошно выяснит, что, как, зачем и почему, и только после этого поедет консультировать. Это не из отделения в отделение выйти, это по всей Москве мотаться, а иной раз и по Подмосковью! Хотя, что греха таить, это приятно. Приятно, что тебя уважают, ценят, приглашают на консультации, прислушиваются к твоему мнению. Можно считать, что с профессиональной точки зрения в жизни пока все идет более-менее нормально. Еще бы с докторской к тридцати пяти успеть... А чего бы не успеть?

Мысли о диссертации подействовали успокаивающе, но сразу же по выходе за больничные ворота, Анну ждал неприятный сюрприз. Какой-то кретин (впрочем, не исключено, что это была кретинка) запарковал свой красный «Рено Логан» вплотную к переду графитовой «шестерки» Анны. На вопрос о марке ее автомобиля, Анна небрежно отвечала «шестерка», не уточняя, что «шестерка» эта «маздовская», а не «вазовская».

Серия энергичных пинков по колесам вкупе с не менее энергичными толчками корпуса «Логана» не включили сигнализацию. Выругавшись в пространство, Анна оценила расстояние между ее машиной и стоявшей сзади «Волгой», после чего села за руль и начала елозить туда-сюда, пытаясь вырваться из плена. Елозила долго, филигранно и, в конце концов, выехала на дорогу, никому ничего не оторвав и не поцарапав, в том числе и своей машинке.

⁴ «Тэушник» – от аббревиатуры ТУ – врач лечебной специальности, проходящий тематическое усовершенствование на кафедре. «Оушник» – от ОУ – врач «профильной» специальности, проходящий на кафедре общее усовершенствование. «Сэушник» – от СУ – врач «профильной» специальности, проходящий на кафедре сертификационное усовершенствование, иначе еще называемое повышением квалификации, которое врачи должны проходить раз в пять лет.

Хотя поцарапать хотелось, и не только поцарапать, но и проткнуть. Если бы в бардачке у Анны лежало шило, или, на крайняк, толстый гвоздь (желательно – ржавый, так приятнее), то красному «Рено» определенно бы не поздоровилось. Но, увы или к счастью, ни шила, ни гвоздя в бардачке не было. Лежали там запасные очки в твердом, надежном очечнике, лежали «зимние» замшевые перчатки, забытые с зимы и прижившиеся, лежали несколько одноразовых стаканчиков (прямо из бутылок Анна пить не любила), и открывалка. Если постараться, то можно поцарапать машину и открывалкой, благо та была частично металлической, но долго придется возиться и удовольствия никакого. То ли дело – шило. Им за какие-то секунды можно написать на капоте «паркуйся вдумчиво» или еще что-нибудь такое же, поучительное и назидательное.

Анна не успела переключиться на третью передачу, как в сумке пискнул телефон, кто-то прислал сообщение. Пришлось останавливаться и лезть в сумку, так быстрее, чем одной рукой извлекать мобильник, а другой держать руль, да и безопаснее.

«Великий Ерофеев писал: «Мне не нужна стена, на которую я мог бы опереться. У меня есть своя опора, и я силен. Но дайте мне забор, о который я мог бы почесать свою усталую спину».

– Козел! – вслух выругалась Анна. – Романтик недоделанный!

А что еще можно сказать о человеке, который вот уже второй месяц после окончания нудноватого, вялотекущего, изначально обреченного романа, шлет тебе тупые, псевдоромантические сообщения? «Дайте мне забор, о который я мог бы почесать свою усталую спину», как бы не так! Дайте мне жилетку, в которую я смогу рыдать ежедневно, – вот так будет больше похоже на правду. Вокруг столько женщин, которые только и мечтают о том, чтобы кого-то выслушать, утешить, приголубить, приободрить, понять, простить, наконец. Какой смысл пытаться возобновить отношения с «черствой бездушной женщиной», которую при расставании обозвал Снежной Королевой. И совсем не на красоту намекал дружок-пирожок (Снежная Королева, кажется была красивой), а на холодность и бесчувствие... А теперь надоедает дурацкими сообщениями. Звонить – не звонит, потому что знает, куда ему сразу же посоветуют отправиться. Конечно, можно было бы внести номер дружка-пирожка в черный список, но это бы означало признаться самой себе в том, что он ее достал, вынудил обороняться. Много чести будет. А цитатка, кстати, хорошая, незаезженная. Надо запомнить и как-нибудь вставить к месту на кафедральном собрании. «Аркадий Вениаминович, дайте мне забор, о который я могла бы почесать свою усталую спину!». Или нет, Вениаминыч еще поймет превратно, ну его, старого ловеласа... Не стоит будить лихо, пока оно тихо, не надо вносить лишней напряженности в отношения. Знаем мы этих спокойных уравновешенных дядечек с сединой в бороде.

Как бес им в ребро вступит, только держись. Профессор Плужинецкий, декан педиатрического факультета и заведующий кафедрой педиатрии домогался взаимности у одной из своих лаборанток больше года. Лаборантка попалась уперто-принципиальная, домогательства отвергала, а на другую кафедру перевестись не догадывалась. А, может, и не хотела, может – наслаждалась ситуацией. Сцены, говорят, Плужинецкий устраивал такие бурные, куда там Шекспиру! Причем прилюдно, где застанет, там и устроит. Больше года, да, потом пыл начал иссякать. Что самое интересное – так и работают вместе, на одной кафедре, лаборантка уже защититься успела. Правильный мужик Плужинецкий, респект ему за то, что не стал опускаться до мелкой мести. Хотя, не исключено, что он еще надеется. Перешел, так сказать, от лобовых атак к долговременной осаде...

Убирать телефон обратно в сумку Анна не стала – положила (точнее – почти швырнула) на переднее пассажирское сиденье. Ехать далеко и долго, пусть лучше лежит под рукой, на всякий случай.

Анна Андреевна Вишневская, доцент

– Здравствуйте! Вставать не обязательно, мы не в школе. Меня зовут Анна Андреевна Вишневская, я доцент кафедры...

Первый день недели, первый день месяца, первый день учебного года, первый день сертификационного цикла по клинической иммунологии и аллергологии... Сколько всего первого. Может, начать новую жизнь? Пробежки по утрам, независимо от погоды и настроения, вечером – полтора часа в бассейне, кофе – не больше трех чашек в день, один выходной в неделю целиком посвящать работе над диссертацией, обзавестись... Какой устрашающе длинный список получился...

– Давайте знакомиться. Абаргина... Гарибян... Евдокимов... Жигалов... Задворная... Коровин...

По рассадке в кабинете можно сразу и практически безошибочно судить о том, кто намерен заниматься, а кто – отбывать время. Первые два ряда парт занимаются сознательными, задний – не вполне сознательными. Ах уж эти «не вполне сознательные»! Они еще не поняли, в чьи руки они попали. Они еще не знают, что такое доцент Вишневская, и рассказать им еще никто не успел.

– Маниш... Мирзоева... Набойкин... Савченков... Хомутова... Шрамко... Сейчас я раздам вам вопросы. Тест несложный, для студентов пятых курсов...

Большинство курсантов воспринимают сертификационные циклы как приятную смену обстановки, что-то вроде оплачиваемого отпуска, возможность отдохнуть от работы и «послушать, что там нового расскажут». «Послушать» – это, пожалуйста, в оперу. Там слушают, а здесь учатся.

Когда-то она пыталась увлечь, убедить, пробудить... Черта с два! Нет, половина курсантов реально учится. Проблема в том, как мотивировать к учебе вторую половину? Взрослых людей так тяжело растормошить... А некоторые считают, что тормозить незачем. Чем меньше вопросов, тем меньше устаешь. Прийти, отбубнить положенное, поболтать немного «за жизнь» и уйти. Зачем тогда все это? Ради ритуала? Месяц блаженства, свежий сертификат в зубы и досвидос? Нет, учиться – так учиться.

Практика показала, что хорошо работает только один-единственный вариант – шоковая терапия. Дать студенческий тест и хорошенько проехать по ошибкам во время разбора ответов. Сформировать установку, что быть незнающим стыдно. Если регулярно подливать масла в огонь, то огонь будет гореть до окончания цикла. Или, на худой конец, угли будут тлеть.

Пока курсанты отвечали на вопросы, Анна еще раз прошлась глазами по списку, запоминая, кто где работает. На ответы полагалось пять минут. Тест небольшой, всего двадцать вопросов.

Жигалов, высокий прилизанный блондин, аллерголог клинико-диагностического центра при сто семидесятой больнице, закончил первым. Встал, подошел к преподавательскому столу, положил листы и, не говоря ни слова, направился к двери.

– Мы еще не закончили, Геннадий Валерьевич.

– Я покурить, – обернулся Жигалов. – Пока время...

– Вернитесь, пожалуйста, на свое место. Время уже вышло, сейчас начнется самое интересное – оценка результатов...

«Знаю я ваше интересное», было написано на физиономии обломавшегося в надежде на перекур Жигалова. С него-то Анна и начала. Посмотрела ответы, подняла брови, округлила глаза, сокрушенно покачала головой и сказала, нет, не сказала, а выдохнула:

– Ужас!

Следующий тест.

– Еще хуже!

Третий...

– Без комментариев!

Четвертый...

– Хуже быть не может. Марина Васильевна вы не дали ни одного правильного ответа!

– Не может быть! – полная рыхлая Задворная возмущенно заколыхалась. – Как это я, иммунолог с двадцатилетним стажем, могу неправильно ответить на такие простые вопросы? Проверьте еще раз, пожалуйста!

Вопросы только казались простыми, а на самом деле... На самом деле Анна долго корпела над ними, добиваясь нужного результата. К каждому вопросу прилагалось четыре варианта ответов, из которых правильным был только один. А три остальных были очень на него похожи... Составив новый тест (менялись они регулярно, каждые полгода), Анна подсовывала их коллегам на апробацию. Даже ассистент Маркузин, зануда и эрудит, засыпался на двух-трех вопросах.

– Никак не привыкну к твоим подлянкам, – разводил он руками, когда Анна указывала ему на ошибки. – Жениться на тебе, что ли?

– Зачем? – традиционно удивлялась Анна. – Я же тебе, Паша, жизнь испорчу.

Маркузину за его доброту и порядочность, выражавшуюся в полном отсутствии склонности к интригам, прощалось многое – и флиртующие шуточки, и «что ли» в сочетании с «жениться на тебе», и любовь к чесноку. Парадоксально, но иммунолог Маркузин, ассистент кафедры, кандидат медицинских наук и «потенциальный Нобелевский лауреат», как иногда дразнилась Анна, верил в то, что чеснок это не только многолетнее травянистое растение семейства луковых, но и лекарство почти от всех болезней, можно сказать – панацея. Дискутировать с Маркузиным на эту тему было очень опасно, потому что дискуссия могла растянуться надолго и бессмысленно, потому что переубедить Маркузина не удавалось никому, в том числе и заведующему кафедрой профессору Белкину. Грозный шеф однажды, услышав очередной панегирик чесноку, рассвирепел и пригрозил Маркузину увольнением за несоответствие занимаемой должности.

– Только после аттестации, Аркадий Вениаминович, – смущенно, в своем стиле, улыбнулся Маркузин. – И учтите, что я не курсантам про чеснок рассказываю, а коллегам. В частном порядке, а не в рамках служебных обязанностей...

Закончив просмотр ответов, Анна вернула их курсантам, а сама написала на доске правильные варианты, выждала минуту и поинтересовалась:

– У кого-то есть вопросы?

– Тест несуразный, – сказал Жигалов. – Запутанный.

– А вы бы хотели перечислить типы псевдоаллергических реакций или рассказать нам патогенез атопического дерматита? – Анна понимающе улыбнулась. – Или же вы хотите напомнить нам диагностические критерии ревматоидного артрита?

– Почему бы и нет? – Жигалов пошел в атаку. – В моей работе диагностические критерии ревматоидного артрита нужны каждый день, а вот...

– Я вас поняла, Геннадий Валерьевич, – кивнула Анна. – Диагностические критерии ревматоидного артрита – это настоящее, это для работы нужно. А хелперами «тэ-семнадцать» голову можно не забивать, верно? Верно?

– Голову надо забивать тем, что нужно для работы, Анна Андреевна. – Жигалов пернапролом. – Разве не так?

– Ну, скажем, для охранника, который дежурит в одном и том же месте по раз и навсегда установленному регламенту, это утверждение верно. Но для вас, врача, ежедневно при-

нимающего новых пациентов, лишних профессиональных знаний быть не должно! Разве вы можете знать, кто и с чем явится к вам завтра?

Нагло-самодовольная маска сползла с лица Жигалова. Молодец, уже сообразил, что его выбрали в мальчики для битья, точнее – для показательной порки.

– Ах, кажется, я догадываюсь... Все, что выходит за рамки знакомых вам диагностических критериев вы отправляете на консультацию... – Анна сделала вид, что призадумалась, – ...небось прямо в институт иммунологии? Или же у вас несколько любимых мест, в которые вы направляете по очереди, чтобы никто не сказал бы: «Что-то от доктора Жигалова прямо косяком идут пациенты! Такое впечатление, что он совсем работать не хочет или не может». Я угадала?

Жигалов покачал головой.

– Значит, всех в одно место. – Анна перевела взгляд на Задворную. – Марина Васильевна, вы уже успели убедиться, что на самом деле ни на один вопрос не дали правильного ответа?

– Успела, – буркнула Задворная.

– Тест оказался слишком сложным для вас? Какой у вас стаж, можно полюбопытствовать?

– С восемьдесят седьмого года работаю...

«Старая гвардия», как и Жигалов. Первого сентября одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года Анна пошла в пятый класс. Голова кружилась от сознания собственной взрослости, как же, уже совсем большая девочка – учится в «большой» школе, а не в «началке». День запомнился на всю жизнь. Во-первых, благодаря огромным белым бантам, с которыми утром долго возилась мама. Ни у кого в школе не было таких красивых бантов! Во-вторых, из-за неприятного происшествия с главным хулиганом класса Сережкой Приходько. Во время линейки он протянул свою никогда не знавшую мыла (такое, во всяком случае, создавалось впечатление) руку к левому банту и тут же получил портфелем по голове. А в портфеле том были учебники за прошлый год, которые Анна не успела сдать в библиотеку перед началом каникул, потому что болела ангиной. В июне, после растянувшегося на три недели выздоровления, она дважды приходила в школу, но заведующую библиотекой так и не застала. Формально та считалась на работе, но на самом деле уже отдыхала от трудов праведных, появляясь в школе раз в неделю. И верно – кому летом нужна школьная библиотека?

Хулиган Приходько закатил глаза и рухнул на асфальт, не перенеся удара портфелем, просто битком набитом знаниями. Знания и головы хулиганов вещь несовместимая. Линейка была сорвана – новая, еще никому не знакомая, классная руководительница вместе с учителем физкультуры оттащили Приходько в тень и начали реанимировать – классная побрызгала на него водой из принесенного кем-то стакана, а физрук дал пару звонких оплеух. Странно – но эти совершенно безграмотные мероприятия завершились успехом. Приходько открыл глаза и, к радости всех школьников, наблевал на польские джинсы физрука. Физрук в школе не любил за истеричный и мстительный характер. Мстительность сказалась и на этот раз – еще не успев толком отряхнуть штаны, физрук вызвал «Скорую помощь» и Сережку увезли в больницу. Все ученики были уверены, что это месть за испачканные, если не испорченные, джинсы. Что может быть страшнее уколов, которые в больницах делают по несколько раз в день?

Избавившись от Сережки (и явно облегченно вздохнув) педагоги обрушились на Анну. «Как не стыдно!». «А еще девочка!». «За такое вообще-то и исключить можно!». «Ты же могла его убить!». В общем – стандартный набор глупостей. Почему должно быть стыдно, если Сережка начал первый? А что – девочка не имеет права дать сдачи? Так и половину школы исключить недолго – все портфелями дерутся, кроме десятиклассников, у которых с прошлого года вдруг стало модным ходить в школу с тонкими папочками. Убить Сережку

Приходько? Многие, знаете ли, пытались, ни у кого не получилось. Но самую большую глупость ляпнула новая классная Жанна Артуровна. «Мальчик же может теперь лишиться умственных способностей», – сказала она и никак не могла понять, почему в ответ рассмеялись не только дети, но и кое-кто из преподавателей «началки». Умственные способности у Сережки Приходько? Да легче снег в пустыне Сахара найти!

По окончании восьмого класса, навсегда прощаясь со школой, Приходько признался Анне в любви, причем сказал, что любит ее с того самого злополучного дня, когда столь неудачно покусился на банты. Анна предложила выбить любовь тем же способом, вспомнив поговорку «клин клином вышибают». Сережка как-то по-взрослому вздохнул и ушел.

– У самого Воробьева начинала! – с гордостью добавила Задворная. – На кафедре.

– А сейчас работаете в Матусеевской ЦРБ, – не заглядывая в «шпаргалку» сказала Анна.

– Да, в Матусеевском районе Свердловской области! И очень довольна. Полторы ставки, надбавки, премия ежемесячно, благоустроенное жилье...

– И как же вы работаете, с такими-то знаниями? Не ответить ни на один вопрос из двадцати – это же суперрезультат!

– Знаете что! – Задворная насупилась и заколыхалась пуше прежнего. – Не для того я сюда приехала, чтобы выслушивать оскорбления! У меня вся трудовая книжка в благодарностях, вот как! Мне к юбилею губернаторскую грамоту обещали дать! Меня весь район знает! Я приехала повышать квалификацию – так повышайте, нечего ерничать!

На доцента Вишневскую заведующему кафедрой курсанты жаловались часто. Смысл всех жалоб сводился к одному – грубиянка, унижает, придирается. Аркадий Вениаминович в подробности не вникал, считая «все эти мелкие дрызги» слишком малозначительными для своей персоны. Просил изложить в письменном виде, угощал чаем и прятал заявление в стол. Жалобщики уходили довольными. Логика их была проста – письменная жалоба непременно повлечет за собой неприятные для доцента-задаваки последствия. Так и уезжали с затаенной радостью во взоре. Знали бы они, что шеф подшивает заявления в красную папку с надписью «Вишневская» на корешке, не давая им никакого хода, ну, разве что иногда, под настроение, мог в шутку пообещать «прихлопнуть как муху вашим же собственным компроматом».

– Хорошо, – не стала спорить Анна. – Будем повышать. Я так понимаю, что прописные истины вам напоминать нет необходимости, можно сразу переходить к сути. Давайте поговорим о том, как влияет у больных бронхиальной астмой смешанного типа стандартная патогенетическая терапия на сывороточный уровень растворимых антигенов...

Поговорили хорошо, качественно. Заодно и определили троих аутсайдеров – Задворную, Абаргину и Шрамко, которые не только не принимали участия в обсуждении, но и вообще с трудом понимали, о чем идет речь. Тактика Анны была простой – задать вопрос и, если ответа не последовало, переадресовать вопрос кому-то другому. Все познается в сравнении, если ты не знаешь того, что знают твои коллеги, то выводы напрашиваются сами собой.

В двенадцать часов Анна объявила перерыв.

Посидела немного в кабинете, втайне надеясь, что три «грации» – аутсайдеры подойдут и хотя бы спросят с глазу на глаз, что она порекомендует им почитать для умственного развития. Зря потратила время – «грациям» (все они объемами были под стать друг другу) было не до умственного развития, небось стоят сейчас на лестничной площадке, дымят прямо под грозной табличкой «не курить» и сетуют на то, какие сволочные попадаютс преподавательницы. Ничего, зато будет что вспомнить, о чем рассказать дома.

В ассистентской старший лаборант Долгуновская изливала душу ассистенту Куной. Дамы сидели за своими столами, обложившись папками на случай срочной имитации деятельности, если вдруг войдет шеф. И говорили не очень громко, во всяком случае так,

что в коридоре их слышно не было. Анна села на диван, откинулась на спинку, запрокинула голову, прикрыла глаза и попробовала расслабиться. Под чей-то пустопорожний треп расслабляться у нее получалось прекрасно.

Долгуновская – вечная искательница приключений на свою кругленькую попку. То с каким-то бандитом роман закрутит, и он ее бешено, до синяков, ревнует, то с девятнадцатилетним студентом свяжется (потом от его матери все никак отвязаться не могла), то влюбится в испанца и соберется эмигрировать, но испанец не оправдает возложенных на него надежд... Насыщеннейшая сверх всякой меры личная жизнь, прямо хоть сериал снимай.

– ...хватила – нет кошелька. Перепугалась, а потом вспомнила, что на работе его забыла. Борисовна две тысячи займы попросила, я кошелек из сумки достала и убрала на автопилоте в карман халата. А когда Юрка за мной приехал, заторопилась на радостях, халат в шкаф, ветровку с сумкой в руки, да так и убежала.

– Хорошо, что не свистнули. – Куюкина, флегматичная мать-одиночка, во всем старалась искать хорошее.

– А если бы и свистнули, – Долгуновская скривилась, наморщив свой вздернутый кверху носик. – Там всего ничего денег было, две пятисотенные и мелкими рублей триста. Да что деньги, Рит, когда у меня – трагедия. Я ему говорю: «Юра, я деньги на работе оставила, дай мне на маршрутку и метро». Он дает мне четыре пятирублевые монеты и говорит: «Я тебя до метро подброшу». Представляешь?

– Все правильно, Маш. Двадцать рублей, а на метро билет девятнадцать стоит.

– Рит, ты чего?! – Долгуновская возмущенно покрутила у виска указательным пальцем. – Четыре пятирублевые монеты! Ровно на билет! Нормальный мужик дал бы хотя бы столик! Нет – нормальный дал бы пятьсот! Может, мне сигареты купить надо или булочку захочется схомячить. А тут – ровно столько, сколько надо. Ненавижу такое жлобство!

– Может, у него тоже денег не было, Маш.

– Были! Сама видела! – Долгуновская снова подняла правую руку и развела сантиметра на три указательный палец с большим. – Вот такая пачкенция тысячных купюр! А любимой женщине – двадцать рублей монетками!

– Что просила – то и получила, – прокомментировала Анна, не открывая глаз. – Надо четко формулировать. Хочешь тысячу – так и говори.

– Да не хотела я никакой тысячи! – взвилась Долгуновская. – Хотела стрельнуть денег на проезд, а заодно узнала истинную сущность человека!

– У мужиков одна сущность, – вздохнула Куюкина. – Все они эгоисты.

– Все мы в какой-то мере эгоисты, но пределы должны же быть... Я ему подарила та-а-акую ночь, – Долгуновская зажмурилась. Покачалась на стуле и поцокала языком. – А он, скотина бесстыжая, монетки мне...

– Значит, надо было за секс заплатить, – по-прежнему не раскрывая глаз и не меняя позы, сказала Анна. – Ты, Мария Максимовна, новых эвфемизмов не изобретай, пользуйся классическим: «на булавки». Если мужчина интеллигентный, то должен понять!

– Эх вы! А еще считается, что медики – сострадательный народ. Я вам душу открыла, а вы мне туда...

– Плюнули? – предположила Анна.

Дразнить Долгуновскую было очень приятно и весело. Она обычно не лезла за словом в карман и никогда не обижалась. Но сегодня Мария Максимовна, кажется, была не в ударе.

– Хуже! – нахмурилась Долгуновская. – Только из вежливости уточнять не буду.

– Маш, а что с Юрой? – поинтересовалась Куюкина.

– Если хотя бы половина моих пожеланий сбылась, то он, я надеюсь, просит сейчас подавание на Курском вокзале!

– Какая ты жестокая! – укоризненно ахнула Куюкина.